

З.Н. Гиппиус

**Литературный дневник
1899-1907 годов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г50

Г50 **Гиппиус З.Н.**
Литературный дневник 1899-1907 годов / З.Н. Гиппиус – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 463 с.

ISBN 978-5-458-25066-5

Зинаида Николаевна Гиппиус русская поэтесса и писательница, беллетрист, драматург и литературный критик, одна из видных представителей «Серебряного века» русской культуры. Идеолог символизма. Жена Дмитрия Мережковского.

ISBN 978-5-458-25066-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ную; эта не всѣмъ знакома, не всѣ знаютъ, что она доходила буквально до варварства. Но кромѣ нихъ—у Новаго Пути была еще третья цензура, самая, можетъ быть, для насъ, сотрудниковъ этого журнала,—тяжелая: цензура тѣхъ, кого мы любили, какъ друзей, но кто насъ часто считалъ врагами.

Въ тѣ недавнія—и такія давнія!—историческія времена вся литературная, вся интеллигентная, болѣе или менѣе революціонно-настроенная, часть общества крѣпко держалась, въ своемъ сознаніи, устоевъ матеріализма. Одному Влад. Соловьеву позволялось говорить о Богѣ, при чемъ его никто не слушалъ. „Идеалистовъ“ еще не было на горизонтѣ, декаденты жили скромными отщепенцами. Всякое слово мистики считалось безуміемъ, а слово религіи—предательствомъ. Новый-же Путь всталъ противъ матеріализма, и одной изъ задачъ его было—доказать, что „религія“ и „реакція“ еще не синонимы. Задача, въ сущности, скромная; но при тогдашнихъ условіяхъ—почти невыполнимая. Работники Новаго Пути, сдавленные съ трехъ сторонъ, должны были вырабатывать уже не „эзоповскій“ языкъ,—а совсѣмъ какой-то неслыханный.

Это, конечно, не удавалось. Проходить между тремя, да еще столь разнообразными, цензурами, не задѣвъ ни одной—не легко. Духовная цензура запрещала прямо темы, выбрасывала все цѣликомъ. Выдумывались другія, что нибудь „около“; тогда, изъ пропущенной „духовенствомъ“ статьи, — свѣтская цензура выкидывала кусками и фразами какъ разъ то, чѣмъ мы наиболѣе дорожили; и, въ концѣ концовъ, третья цензура часто была права, находя „Новый Путь“ недостаточно живымъ, упрекая насъ чуть не въ „клерикализмъ“.

Вскорѣ къ тремъ цензурамъ прибавилась и четвертая: цензура начинающихъ оперяться декадентовъ. И они были нашими друзьями: но и противъ нихъ мы шли, потому что ихъ „религія“, — эстетизмъ, обожествленіе „чистаго искусства“, — была для насъ неприемлема. Мы хотѣли создать другія цѣнности, не признавали „красоту“ — высшей и всеобъемлющей. Время для такого созданія не пришло (можетъ быть, и теперь еще не пришло), — „Новый Путь“ не могъ жить между четырьмя сдвигающимися стѣнами, — но его слабыя попытки имѣли свое значеніе, хотя бы самое малое,

и потому я рассказываю его исторію, историческія условія, при которыхъ онъ жилъ и при которыхъ были написаны статьи моего „сборника“.

Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось... А иногда кажется, что не только не многое, а почти ничего не перемѣнилось. Если бы сегодня возродился „Новый Путь“—то, вѣдь, это былъ-бы не буквально тотъ же, *но соответствующій своему времени* Новый Путь; и онъ, конечно, опять всталъ-бы въ тѣ же отношенія со всѣми цензурами; только борьба, вѣроятно, была бы ярче и открытѣе. Сегодняшній день всегда ярче и открытѣе вчерашняго. Если-бы это не было правиломъ (съ исключеніями, правило подтверждающими)—то не стоило бы и жить.

Сегодняшняго „Новаго Пути“ съ его сегодняшней борьбой еще нѣтъ, однако; этого не слѣдуетъ забывать, не слѣдуетъ къ прошлому прилагать современную мѣрку, предъявлять сегодняшнія требованія,—словомъ, нельзя смотрѣть, на „сборникъ“ мой не съ „исторической“ точки зрѣнія.

Что касается статей о русской литературѣ, написанныхъ позднѣе, для журналовъ чисто-эстетическихъ,—то хотя и эти статьи,

въ извѣстномъ смыслѣ, тоже „вчерашній день“—ихъ историзмъ еще очень неясенъ. Можетъ быть потому, что въ литературѣ вчерашній день, — вѣрнѣе, вчерашній вечеръ, — замедлилъ, длится, и новаго утра нѣтъ. Оно будетъ,—но пока его еще нѣтъ. Городецкіе да Ценскіе, Блоки да Горькіе, имитаторы да стилизаторы, экспроприасты да оріасты—развѣ это не вчерашній день, не петербургская майская заря, естественно горящая на небѣ, когда ей слѣдовало-бы давно умереть?

Впрочемъ, пусть ее. На то мы и Россія, чтобы у насъ заря вечерняя встрѣчалась съ утренней,—старое ввивалось въ новое. Пусть кажется иногда, что жизнь медлитъ... мы знаемъ, что она не останавливается. И не будемъ ребячески-неблагодарны къ нашему прошлому: оно отходитъ, рождая будущее. Отходитъ, уча насъ жить во имя будущаго.

Хлѣбъ жизни

I

Знаю, меня упрекнутъ въ легкомъ, поверхностномъ отношеніи къ вопросу громадной важности. Но вѣдь я не берусь ничего рѣшать; я только выскажу свои, можетъ быть, отрывочныя мысли, съ осторожностью касаясь предмета, который, конечно, требуетъ серьезнаго и спеціального изученія. Пусть-же простятъ мнѣ люди, отдавшіе себя жизни, занятые тѣмъ, какъ напитать своихъ братьевъ хлѣбомъ тѣлеснымъ, удрученные мыслью о всеобщемъ равенствѣ, количествѣ рабочихъ часовъ и т. д. Они не сочтутъ себя моими единомышленниками; а, между тѣмъ, мнѣ кажется, что они правы, если, ни въ чемъ не измѣняя своихъ мыслей, еще прибавятъ къ нимъ нѣчто, логически необходимое.

Тѣ же, кто считаются моими единомышленниками—упрекнуть меня въ другомъ: они скажутъ, что я повторяю старыя, извѣстныя мысли, сдѣлавшіяся общими мѣстами. Потому что я буду говорить о хлѣбѣ для тѣла и хлѣбѣ для духа, о ихъ равноправности, равно-необходимости въ каждый данный моментъ для каждаго человѣка, о ихъ фактической неразрывности, какъ условіи всякой человѣческой жизни. А для этого уже есть готовыя, часто повторяемые слова и фразы: „надо соединить жизнь и религію! Надо освятить жизнь! Надо религію сдѣлать жизненной! Надо все любить!“

Отличныя слова. И какъ будто даже ясныя. Какъ будто даже и разсуждать дальше нечего, а прямо приступать къ дѣйствию, къ воплощенію словъ: начать освящать жизнь, начать любить все и т. д.

А между тѣмъ никакихъ начинаній мы не видимъ, никакихъ воплощеній нѣтъ. Мысль, въ истинность которой мы вѣримъ, не можетъ сдѣлаться для насъ слишкомъ извѣстной, старой—до своего воплощенія; вѣри́те—предположить, что она молода, что мы ея не знаемъ. И дѣйствительно, бываютъ слова ужасно милыя и хорошія, но съ при-

творной ясностью. Они опасны, они гипнотизируютъ, особенно, когда ихъ часто повторяютъ: давно вѣришь, что имъ вѣришь и даже того не понимаешь, что ихъ не понимаешь. Это—догадки, пусть вѣрныя, —новсетаки догадки. Для того-же, чтобы слова и догадки сдѣлались мыслью, и для пониманія мысли,—нужна возможность послѣдовательныхъ представленій. То-есть, если это—ступень, то чтобы и лѣстница существовала, а иначе это будетъ лишь перекладина гдѣ-то вверху, въ воздухѣ, висѣлица или... насѣсть. Боже меня сохрани, сравнить дѣйствительно глубокое сочетаніе словъ: „надо соединять религію и жизнь“,—съ такими перекладинами; вѣдь объ этихъ-то словахъ я и буду говорить; я думаю только, что не лишнее намъ посмотреть, каковы нижнія ступени лѣстницы, къ нимъ ведущей, понять, что мы, повторяя хорошія слова,—не знаемъ, въ сущности, ни какую религію подразумеваемъ, ни какую жизнь, ни какъ ихъ соединять, ни того даже, почему это „надо“. Мы всѣ хотимъ что-нибудь сдѣлать; но, не зная, что дѣлаешь, можно дѣлать, а сдѣлать ничего нельзя.

И я иду навстрѣчу сужденіямъ и осу-

жденіямъ моихъ „единомышленниковъ“, говорю о первыхъ, самыхъ наземныхъ, ступеняхъ, хотя, можетъ быть, и придется мнѣ говорить о вещахъ извѣстныхъ, о словахъ, уже произнесенныхъ. О, эти старыя слова, милыя—и самыя страшныя—притворно-ясныя! „Надо любить всѣхъ“... „все“... „надо начать любить“... Любить! Вотъ, кажется самое старое, извѣстное, понятное слово; а какой человѣкъ, если онъ искрененъ передъ собою, скажетъ: я понимаю, что оно значить? Но не отвлеченными, пока неразрѣшимыми, вопросами я буду заниматься. Я хочу говорить о человѣческой природѣ, объ ея здоровыхъ потребностяхъ, о моментѣ нашего теперешняго сознанія и о томъ, какъ сдѣлать, чтобы намъ жить было лучше. Словомъ, о томъ, что должно быть—на основаніи того, что есть.

II

Что-же есть?

Есть люди. Есть ихъ исторія.

Исторія—разсказъ о человѣческомъ голодѣ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія,—равно и теперешнее наше наблюденіе надъ жизнью,—говорить намъ только о томъ, какъ люди